

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРАЗИТИЗМ: СТРАТЕГИИ "НЕГАТИВНОЙ" АДАПТАЦИИ

БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна - кандидат социологических наук, ассистент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета.

Быстро меняющиеся условия жизни современной России, экономические, политические и социальные трансформации предполагают изменения в массовом сознании и экономическом поведении населения, отказ от старых и восприятие новых ценностей и поведенческих установок как условие адаптации к новым жизненным реалиям. Проблема социально-экономической адаптации населения является одной из основных тем, привлекающих внимание российских исследователей. Существует большое количество как способов адаптации к изменившимся условиям среды, так и критериев их типологизации [1]. Достаточно различны и понимания самой адаптации как процесса и результата приспособления индивида к условиям изменившейся среды. В данной работе мы берем показателем "позитивной" социально-экономической адаптации *поддержание такого уровня жизни, который позволяет сохранять или повышать социальный статус и удовлетворять материальные и духовные потребности индивида или социальной группы.*

Одним из оснований классификации способов социально-экономической адаптации является *использование своих либо чужих ресурсов в жизнеобеспечении.* Согласно ему мы выделяем два основных типа жизнеобеспечения человека: это опора и расчет преимущественно на свои силы либо ориентация на поддержку извне, привлечение ресурсов со стороны. **Трудоспособный** (здесь и далее речь идет только о трудоспособных) человек относительно свободен в выборе стратегии своего поведения, и этот выбор коренным образом сказывается на его жизни. Для общества также принципиально важно, какими способами составляющие его члены обеспечивают себя: за счет своих ресурсов (труда, собственности) или за счет ресурсов общества, других людей, государства. В контексте адаптации независимое жизнеобеспечение представляет ее "позитивную" форму, предполагающую самореализацию индивида, его участие в общественном производстве, создание материальных и духовных ценностей. Использование же чужих ресурсов, как мы постараемся показать ниже, если и предполагает адаптацию, то в ее ущербной, "негативной" форме, деструктивной для личности или общества в целом.

В статье мы рассмотрим два вида "негативной" адаптации, характеризующиеся преимущественным использованием чужих ресурсов в жизнеобеспечении - **социально-экономическую зависимость** (более привычное название - "**социальное иждивенчество**") и **социальный паразитизм**. В обоих случаях это своеобразное включение в социальные связи, при котором происходит неэквивалентный обмен социальной деятельностью, акцент переносится с производства на потребление. Однако эти две стратегии принципиально различны по характеру взаимоотношения обеспечивающей и потребляющей сторон.

Водораздел происходит по таким критериям, как наличие у субъекта рыночных человеческих ресурсов, власти, собственности. В самом общем виде *социально-эконо-*

Работа выполнена при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда (N = 217 социология/грант-97).

мическая зависимость - это стратегия поведения человека, обладающего минимальным размером социальных "капиталов", не способного самостоятельно обеспечить себя средствами к существованию, которому сознательно (часто добровольно и инициативно) оказывается помощь со стороны другого субъекта (общества, государства, предприятия, другого человека). Специфика таких отношений, с точки зрения теории социального обмена, проявляется в том, что получающий поддержку не способен адекватно ответить на благодеяния и попадает в экономическую зависимость от дающего, которая неотделима от зависимости социальной. К проявлениям социально-экономической зависимости относятся экономическая пассивность индивида (социальной группы), социально-психологические установки на патернализм государства и получение гарантированных материальных благ, осознание себя вправе эту помощь получать и готовность в связи с этим нести определенные издержки, ограничивающие личную свободу.

Напротив, *социальный паразитизм* - это способ существования, при котором социальный субъект удовлетворяет свои потребности за счет других, имея возможность удовлетворять их самостоятельно [2]. Обычно это стратегия поведения "сильных", выражающаяся в злоупотреблении своим превосходством (физическая сила, власть, интеллект, предприимчивость, наконец, количественное превосходство). Важно, что согласия тех, кто поставяет ресурсы, не спрашивается, и объектом паразитизма является низший (или считающийся таковым), зависимый от паразитирующего. Классические проявления паразитизма - воровство, грабеж, рэкет, шантаж и т.п. способы жизнеобеспечения, состоящие в принудительном перераспределении материальных благ в свою пользу.

Организация и методы исследования. Настоящий проект является продолжением проводившегося автором в 1996/97 гг. исследования "Социально-экономическая зависимость как феномен массового сознания". Основная цель проекта 1997/98 гг. состояла в рассмотрении адаптационных возможностей жизненных стратегий с использованием чужих ресурсов. Здесь и далее мы рассматриваем только трудоспособное население, то есть людей, чей выбор стратегий жизнеобеспечения не ограничен рамками возраста или инвалидности, при которых объективно недоступно использование только собственных ресурсов¹.

Поставленной задаче лучше всего отвечало использование целевой выборки и метода стандартизованного массового опроса, дополненного качественным анализом. Опрашивались 5 групп населения, выбор которых был обусловлен гипотезой о наибольшей представленности в них стратегий жизнеобеспечения с использованием чужих ресурсов. Всего было опрошено 365 человек.

Выбор групп предпринимателей, рабочих и криминальных элементов был основан на результатах кластерного анализа по типам установок на способы жизнеобеспечения в исследовании прошлого года. Костяк кластера "паразитирующих" был тогда представлен этими тремя группами. Для "чистоты данных" среди рабочих опрашивались только мужчины (а в группе предпринимателей они статистически преобладали), поскольку гендерные различия в противном случае были бы значительны. Критериями отбора "криминальной группы" были наличие у респондентов незаконных доходов, судимости, разного рода противоправное поведение (воровство, рэкет, подпольная торговля спиртным, наркотиками, проституция, содержание притонов). Поиск в этом случае велся по "наводке", либо сами респонденты не скрывали рода своих занятий. Домохозяйки были взяты как наиболее яркие представители типа "зависимого" жизнеобеспечения. И, наконец, в категорию "получателей пособий" вошли имеющие

---

¹ Заметим попутно, что даже нетрудоспособность не предполагает априорного перехода в состояние экономической зависимости, поскольку существует по крайней мере один независимый источник жизнеобеспечения, не предполагающий экономической активности - собственность или капитал, этот принцип, к примеру, положен в основу так называемой накопительной пенсионной системы, которая позволяет пожилому человеку не переходить на положение "иждивенца". Однако по известным причинам в России пока что его нельзя рассматривать как существенный источник дохода массовых групп населения.

пособия по безработице и пользующиеся льготами как малообеспеченные, своего рода российский андекласс.

Важным условием проведения интервью была адаптированность потенциального респондента (субъективно им ощущаемая либо таковая в глазах окружающих людей). Учитывая тот факт, что люди с гораздо большей готовностью выражают свои отношения к гипотетическим ситуациям, охотнее говорят о своих установках, ценностях, нежели о реальных жизненных стратегиях и источниках доходов (включая известную склонность людей прибедняться), интервьюерам было дано задание помещать в анкету дополнительную известную им информацию о респонденте.

Основными методами анализа данных было сравнение пяти групп респондентов (метод условного распределения), а также факторный (метод главных компонент) и кластерный анализ (статистические группировки).

Зависимость: субъекты покровительства. Естественно, что людей, целиком независимых в своем жизнеобеспечении, практически не бывает: "одинокие волки" не вписываются в функционирование современного социума. Но различия в уровне зависимости от окружающих у людей значительны: "независимость" означает, что индивид сам является субъектом экономической поддержки, она предполагает его финансовые обязательства перед другими [3]; субъективное ощущение экономической независимости совпадает с большой долей доходов индивида в семейном бюджете - 70% и более. С другой стороны, и эти люди зависят от общей экономической конъюнктуры, государственной политики, правовой и налоговой базы, блокирующих либо поощряющих те или иные виды деятельности. Однако эти факторы относятся, скорее, к условиям деятельности индивида, лишь косвенно определяя его экономическую активность. И такого рода зависимость от экономической политики государства - это проявление включенности индивида в жизнь "большого общества".

В активной экономической роли государства заинтересованы многие, но водораздел проходит по требованиям, которые при этом выдвигаются: чем активнее, адаптированнее и мобильнее социальные группы, тем более у них выражены пожелания нормализовать налоговое законодательство, обуздать преступность, наконец, "не мешать работать". Это можно объяснить тем, что свое будущее связывается ими прежде всего с **легальной экономической активностью**. Чем ниже группа в социальной иерархии, тем явственнее читаются требования материального обеспечения "таких, как я". А вот наиболее эмансипированными от государства являются носители криминального сознания, чья "независимость" свидетельствует, скорее, об их исключенности из общества, противопоставлении себя закону и законопослушным гражданам.

Так, в ответах на вопрос *"В какой степени сегодня зависит улучшение Вашей жизни от..."* предприниматели и криминальные группы, демонстрируя самые большие установки на собственные силы, распадаются по отношению к власти, государству как фактору их дальнейшего благополучия. Более половины предпринимателей отмечают государство, а также общую обстановку в стране, как значимые для себя, криминал же по индифферентности к государству смыкается с домохозяйками, чья социальная роль вовсе не предполагает экономической активности в сфере общественного производства. Паразитические формы жизнеобеспечения от конъюнктуры не зависят.

Тот факт, что установки опрошенных на государственный патернализм оказались незначительными (от 6% среди предпринимателей до 36% получателей пособий согласились с утверждением, что *"государство должно нести ответственность за гарантированное обеспечение граждан"*), мы объясняем тем, что, напомним, велся специальный поиск адаптированных людей, то есть самые бедные и депривированные, в наибольшей степени относящиеся к разряду "социально подопечных", в выборку не попали. По репрезентативной же выборке эта цифра составляет в среднем треть населения.

Отметим при этом, что незазорность пользования всевозможными благами, исходящими от государства (пусть и незаконными или не необходимыми) на уровне пожеланий демонстрируют **все** социальные группы, независимо от уровня доходов и

социального статуса. Судя по всему, в сознании населения прочно укоренился образ государства как "дойной коровы", "халявы", от которой всегда нелишне подкормиться. Однако реальная помощь, как правило, приходит на уровне социальных сетей человека, а группы, рассчитывающие исключительно на благотворительность государства, попадают в число самых дезадаптированных. **"Иждивенчество" на государстве сегодня существует лишь как феномен массового сознания (синдром зависимости "маленького человека") либо воспоминания о прошлом, но никак не реальное экономическое поведение.** Среди субъектов реальной экономической поддержки доминирует семья, родственники - у домохозяек, работодатель или руководство предприятия - у рабочих.

Экономическая зависимость или независимость просматриваются в отмеченных респондентами *источниках своих доходов*. Так, у предпринимателей практически отсутствуют упоминания о своем непосредственном окружении (родственниках, друзьях, посторонних людях): они, как правило, сами являются субъектами поддержки для своих близких. Все остальные группы отмечают безвозмездную помощь родственников или иждивение как один из источников своих средств к существованию (от 10% среди рабочих до 87% домохозяек).

Мы практически не зафиксировали "чистой" экономической зависимости как формы жизнеобеспечения. Множественность и хаотичность источников дохода - характерная особенность современной российской ситуации, причем это относится даже к домохозяйкам, более трети из которых отметили, помимо материальной поддержки родственников, такие источники дохода, как подработки, 27% упомянули про государственные пособия и доходы с садовых участков. Интересно то обстоятельство, что социально-экономическая зависимость на уровне микросреды выходит за пределы семьи: 13% домохозяек отметили, что находятся на иждивении людей, с которыми не состоят в родственных отношениях: судя по всему, это категория так называемых спонсируемых женщин или содержанок.

Если предыдущий блок вопросов касался повседневных, текущих источников жизнеобеспечения, то в *способах выхода из экстремальной ситуации, трудного материального положения* просматриваются следующие особенности поведения разных категорий. Социально-экономической зависимости четко соответствует стратегия самоограничения, пассивное приспособление и выжидание, то есть аккомодационный характер адаптации. Для социального паразитизма, напротив, характерна неприемлемость тактики самоограничения (что демонстрирует криминальная группа) и готовность воспользоваться незаконными способами добывания доходов (о них упомянули 52% криминала и 19% предпринимателей).

Надо сказать, что в данном случае способы совладания с материальными трудностями оказались достаточно универсальны: сокращение расходов, влезание в долги, подработки в той или иной степени присутствуют в ответах всех пяти групп респондентов. Помимо выраженных паразитических установок криминальной группы, из общего массива выделяются предприниматели, практически не пользующиеся поддержкой родных и близких (а широкое использование такой поддержки - свидетельство традиционности общества), а также домохозяйки, 15% из которых отметили, что им просто не приходилось попадать в подобные ситуации. Последнее, на наш взгляд, иллюстрирует такой аспект социально-экономической зависимости, как комфортность ситуации снятия с человека бремени ответственности за жизнеобеспечение себя и своей семьи (этим в том числе могут быть объяснены результаты многих исследований, согласно которым около половины работающих женщин мечтают при возможности оставить работу и посвятить себя исключительно приватной сфере - семье, домашнему хозяйству, себе).

Собранный в течение двух лет эмпирический материал позволяет сделать вывод, что социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм как типы экономического поведения обладают различным адаптационным потенциалом. В **нынешних российских условиях "зависимая" стратегия является мощным фактором дезадаптации трудоспособного населения.** Если нарисовать обобщенный портрет носителя "зависи-

мого сознания", то его можно охарактеризовать как "тип неудачника" - низкий уровень доходов, нестабильная занятость, широкое использование таких архаических источников поддержания существования, как садово-огородный участок и помощь родственников; следование стратегии самоограничения, которая позволяет выжить, но не более того. Психологическую характеристику этому типу дал в свое время Ф. Хайек: "Независимый ум или сильный характер редко встречаются у людей, неуверенных, что они смогут сами себя обеспечить" [4].

По нашему мнению, основное объяснение несовместимости социально-экономической зависимости и адаптации в современных российских условиях - это отсутствие сильных субъектов поддержки (частных лиц или государства). Привычные "опекуны" миллионов граждан - государство и государственные предприятия - фактически распались, новые, которые бы добровольно на индивидуальном уровне оказывали материальную поддержку, еще не появились. Зависимые ожидания в массовом сознании сохраняются, однако на сегодняшний день они не подкреплены наличием покровителя. Отметим, однако, что в иных социально-экономических условиях ("государственный социализм" в СССР, "Welfare State" на Западе) зависимость была (или является) способом адаптации "государственного жителя" или представителя андекласса, живущего на государственные социальные пособия. В современной же России "зависимую" модель адаптации успешно демонстрируют пока что лишь домохозяйки. Возможно, в ближайшие годы мы станем свидетелями возрождения практики заведения приживалов и содержанок, которая сопутствует высокому уровню имущественной дифференциации населения. Дело в том, что, по мнению Ю. Лапыгина и Я. Эйдельмана [5], в отношениях зависимости и покровительства структурообразующей стороной является именно зависимая, с ее стремлением освободиться от бремени ответственности путем нахождения "вторичных уз" (в терминологии Э. Фромма) [6].

Структура и размеры государственной поддержки безработных и неимущих в России на сегодняшний день таковы, что появление российского андекласса, как на Западе, у нас объективно невозможно. Хотя интересен следующий факт: в США и Великобритании основной аргумент государства перед налогоплательщиками, недовольными большими расходами по поддержке малообеспеченного и безработного населения (преимущественно цветного) - как раз предотвращение паразитических, насильственных, незаконных способов жизнеобеспечения. Иное в России: при том, что государственные пособия не обеспечивают даже физиологического выживания человека, малообеспеченные используют все доступные им средства - поддержку родственников, легальные и нелегальные приработки, "подножный корм" (садово-огородные участки), но - не уходят в криминал! Паразитическая адаптация остается уделом ограниченного круга людей и сопровождается определенной жизненной философией, то есть является прежде всего девиацией.

Социальный паразитизм: "девиантная адаптация". Условиям нынешнего российского общества, к которому в известной степени применимо веберовское определение авантюрно-спекулятивного капитализма, гораздо более отвечает социальное паразитирование как незаконное, часто насильственное, присвоение доли общественного пирога.

Общее настроение респондентов достаточно либерально по отношению к возможности незаконно перераспределить ресурсы в свою пользу, попросту говоря, украсть. Интересен сам факт, подмеченный интервьюерами: бравада многих респондентов незаконными доходами, умением воровать, обманывать, наконец, уходить от налогов. Различия здесь проявляются в том, у кого украсть однозначно нельзя, а у кого - можно и нужно. Из предложенных нами вариантов однозначное осуждение вызвал вариант "украсть у бедных", меньшее - "у таких, как я", и лишь половина респондентов осудила идею украсть у богатых (одобрение составило от 21% среди предпринимателей до 37% криминала). Видимо, в массовом сознании живучи призывы экспроприации экспроприаторов, подкрепленные убежденностью в несправедности нажитых крупных состояний.

Анализ эмпирического материала показывает, что "паразитическая" стратегия тесно переплетена с социально одобряемыми факторами жизненного успеха. Не случайно предприниматели как группа, характеризующаяся наиболее выраженной восходящей мобильностью, смыкается по социально-демографическим характеристикам и установкам, с одной стороны, с традиционной группой "рабочие" (жесткие установки на самостоятельность, высокая трудовая активность), с другой (в еще большей степени) - с криминальными группами. На последней особенности следует остановиться подробнее. Отметим прежде всего, что сами интервьюеры нередко затруднялись с отнесением респондента к предпринимателям либо к криминалу: граница между ними оказывалась размыта. Это происходило в тех случаях, когда, с одной стороны, было достоверно известно, что официально зарегистрированный предприниматель нечист на руку, обманывает клиентов и партнеров либо фирма служит прикрытием для рэкета, незаконной торговли спиртным и наркотиками, азартных игр. С другой стороны, предпринимательские доходы нередко встречаются и у криминальных элементов: торговля краденым, наркотиками и спиртным, содержание притонов, занятие проституцией. **И те, я другие используют открывшиеся в последнее десятилетие экономические возможности.** Самый большой удельный вес незаконных доходов, по самооценкам, также у этих двух групп. Подобные результаты нисколько не противоречат данным других исследований, согласно которым сегодня в России главный механизм формирования экономической элиты и субэлиты - "отмывание" теневых капиталов, финансовые спекуляции с бюджетными средствами, приватизация, сращивание частного бизнеса с государственным управлением [7].

Принципиальное отличие социального паразитизма от социально-экономической зависимости заключается в **независимости паразитирующего** от того, чьими ресурсами он пользуется. Если домохозяйки и получатели пособий осознают свою зависимость от покровителей (родственников, государства) и отдают себе отчет в том, что без этой помощи у них будут серьезные трудности, то в случае насильственного отъема жизненных благ паразитирующий волен выбирать, у кого отнимать, и субъекты поддержки в этом случае для него **являются заменяемыми**, поэтому пользование чужими ресурсами преподносится как "умение жить", "самостоятельность", "предприимчивость". По самооценкам, самые независимые в своем жизнеобеспечении - предприниматели (69%) и криминал (52%). В массовых опросах, где исследователю неизвестны реальные жизненные стратегии, последние обычно попадают в группу "носителей рыночных ценностей", не говоря уже о том, что в "паспортичках" они размываются по социально-демографическим группам предпринимателей, рабочих, служащих и безработных. Нами зафиксировано различие в восприятии понятий "*быть зависимым*" и "*жить за чужой счет*". Зависимые в своем жизнеобеспечении рабочие не считали, что живут за счет других; напротив, признающиеся в паразитировании криминальные группы считали себя экономически независимыми!

Смычка предпринимателей и криминала происходит и на уровне сознания, сходства ценностей и установок, и по оценкам своего социального самочувствия, в целом достаточно позитивного. Обе группы демонстрируют наибольшие установки на самостоятельность в жизнеобеспечении. Из альтернатив "*человек должен сам нести ответственность за то, как он сам себя обеспечивает*" и "*государство должно нести ответственность за гарантированное обеспечение граждан*" однозначно отвергается государственный патернализм, а согласие с первым утверждением выражают 75% предпринимателей и 66% криминальной группы. Так же безусловно преобладание в этих группах ценности свободы перед социальной защищенностью (соответственно 77 и 70%). "Бесстрашие" перед законом, поднятие планки субъективно дозволенного - принципиальная черта социального паразитизма - также характерна для этих двух групп. Однако если в криминальной группе в наибольшей степени представлено типичное люмпенское сознание - "*совсем не нужно выполнять закон, который Вам невыгоден*" (22% согласных с утверждением - больше всех по выборке), то предприниматели более единодушны в гибкости по отношению к закону - "*если Вы считаете, что*

закон противоречит Вашим интересам, нужно сделать вид, что Вы его исполняете, а на самом деле нужно обойти закон" (72% по сравнению с 53% криминала). Скорее всего, это не столько "нравственная гибкость" новых русских, сколько условие их выживания в условиях налогового, чиновничьего и уголовного беспредела в современной России.

Готовность к применению насилия - еще одна характеристика социального паразитизма. И здесь важно, где применение силы является защитой, а где - осознанным действием в своих личных интересах. Если у трех "традиционных" групп эта грань переходит в случае *непосредственной угрозы своим жизни и здоровью*, то для половины предпринимателей эта планка ниже: *"угроза моей собственности"* (27%), *"несправедливость по отношению ко мне"* (17%), *"если мне это выгодно"* (5%). У криминальной группы перевес начинается с уровня *"несправедливость по отношению ко мне"* (40%), *"если мне это выгодно"* (8%).

Условие для существования социального паразитизма - наличие власти над тем, на ком паразитируют, которая приобретается в том случае, когда паразитирующий обладает некоторыми безусловными преимуществами. Характерен тот факт, что сегодня они представлены качествами, которые позволяют добиться успеха в рыночном обществе: предприимчивость, интеллект, связи, смелость, хитрость (отмечены предпринимателями и криминальными группами). Об этом свидетельствует и отнесение предпринимателей и криминальных элементов себя к *"сильным"* (68 и 63%). И это не может быть объяснено преобладанием мужчин в данных группах: *"сильных"* среди мужчин-рабочих вдвое меньше! С зависимостью же, наоборот, коррелируют низкие самооценки респондентов и комплекс *"маленького человека"*, ничем не выделяющегося из массы.

Значимый показатель адаптации - восходящая мобильность либо стабилизация своего социального статуса (если только речь не идет о низших этажах социальной иерархии). Соответствующую направленность носит и экономическое поведение индивида: *жить богаче: сохранить имеющийся уровень доходов и потребления; просто выжить*. Первая стратегия доступна прежде всего предпринимателям и криминальной группе, стратегия же выживания остается уделом получателей пособий и рабочих. Судя по тому, что между установками индивида и его реальным социальным статусом существует жесткая корреляция (восходящими группами оказались предприниматели и криминал, нисходящими - рабочие и получатели пособий, стабильной - домохозяйки), можно делать вывод о том, что объективное и субъективное взаимозависимы, взаимодополняемы: установки на самостоятельность способствуют восходящей мобильности, а жизненный успех, в свою очередь, способствует высокой самооценке и является стимулом к дальнейшему наращиванию усилий. Соответственно *"неудачники"* оказываются в *"ловушке бедности"*, выбраться из которой объективно и субъективно трудно.

Это, конечно, не значит, что социальный паразитизм - стратегия адаптации, наиболее адекватная современным российским условиям, позволяющая извлекать одни лишь дивиденды из *"суммарного времени"*. К негативным видам адаптации она относится не только с точки зрения общества; она в значительной степени деструктивна и в отношении субъекта адаптации. Так, в самооценках степени своей адаптации и изменений своей жизни за последние 5 лет различия между предпринимателями как легитимной группы и криминальными элементами (многие из которых могут быть классифицированы и как *"социальное предонье"*) наблюдаются значительные различия: если адаптировавшимися себя считают 93% предпринимателей, то среди криминала таких лишь 79% (хотя и эта цифра значительно выше уровня адаптации рабочих и получателей пособий). Высокая степень неоднородности криминальной группы проявляется и в ожидаемых функциях государства в экономическом плане. Если предприниматели последовательны в своих требованиях экономической свободы (71%), рабочие - в создании рабочих мест и выплате зарплат (65%), то криминальная группа расколота: 43% жаждут максимума свободы и невмешательства государства в их экономическую

деятельность, а треть требует *"материально обеспечивать таких, как я"*, сближаясь по этому параметру с самой слабой и неадаптированной группой получателей пособий. Эта группа наиболее неоднородна по сравнению с прочими по определению своего места в социальной иерархии: по 29% поставили себя в слои выше среднего и ниже среднего, 43% - в средний слой. Наконец, она оказалась поляризована по выбору из альтернатив *"жизнь к Вам несправедлива"* и *"грех жаловаться на жизнь, она справедлива к Вам"*. Возможно, одно из моральных оснований социального паразитизма - осознание себя обделенным и стремление любыми способами изменить существующее положение вещей.

Отметим в заключение неоднозначность понятия адаптации самими респондентами. Практически при стопроцентном уровне адаптированности предпринимателей отмечают изменение своей жизни в лучшую сторону существенно меньше - 77% из них. У других групп эта цифра также отстает процентов на 20 от самооценки адаптированности. Судя по всему, в массовом сознании адаптация воспринимается в значительной степени как аккомодация, решение наиболее острых проблем жизнеобеспечения, но не более того.

Многомерная типологизация эмпирического материала. Мы отдавали себе отчет в том, что, во-первых, отобранные нами в целевой выборке группы могут не соответствовать типологии социально-экономической зависимости и социального паразитизма. Во-вторых, индикаторы обоих явлений были сформулированы нами же, и респондентам лишь предлагалось либо выбрать подходящий вариант ответа, либо выразить степень своего согласия-несогласия с определенными утверждениями. Но поскольку нашей задачей было изучение явлений зависимости и паразитизма, а не описание конкретных социальных групп, важно было зафиксировать естественно сформировавшиеся корреляции установок и поведения людей. Для этой цели мы использовали специальную статистическую процедуру, позволяющую эти корреляции обнаружить. Речь идет о факторном анализе (метод главных компонент), которому были подвергнуты 40 переменных.

Как видно из структуры факторного пространства, существует четкая взаимосвязь социального статуса, уровня материального благополучия и социального самочувствия индивида (см. табл. 1). Важно, что место человека в социальной иерархии 5 лет назад в значительной степени определяет его сегодняшнее положение. Мы видим также, что с повышением социального статуса увеличивается и интринсичность локуса контроля за событиями своей жизни, и уровень экономической независимости. Отметим, однако, что взаимозависимость статусных характеристик и ориентации на собственные силы не столь жесткая, как можно было бы предполагать.

Четко выделившийся фактор "социальный паразитизм" свидетельствует, во-первых, о значительной идеологической составляющей данной жизненной стратегии, то есть жизнь за счет других как жизненный принцип. Причем объекты паразитизма - самые разные другие люди (богатые, бедные), партнеры по бизнесу, наконец, государство. Интересно отметить, что данный фактор получен целиком из переменных, обозначающих умонастроения людей, их вербальную готовность к паразитированию, установки оказались независимыми от статусных характеристик.

Фактор экономической независимости, напротив, составлен как из декларируемых ценностей, так и действительной экономической активности индивидов. Любопытно, на наш взгляд, то обстоятельство, что успех в жизни и экономическая самостоятельность в факторном пространстве оказались разделенными, то есть они отнюдь не предполагают друг друга! Для объяснения этого парадокса можно вспомнить традиционные особенности стратификации населения СССР/России по материальному благосостоянию: она до сих пор носит не столько трудоактивный, сколько статусный характер. Из таблицы 1 можно вывести еще одну интересную особенность: ориентация на собственные силы предполагает не только высокую ценность свободы и высокую трудовую активность, но и четко выраженные эгоистические установки, одобрение принципов социал-дарвинизма и даже достаточно низкую планку, за которой допустимо

Таблица 1

Наименование, объем и координаты кластерных центров в факторном пространстве

Наименование кластера	Объем (чел.)	Факторы			
		1. Жизненный успех	2. Социальный паразитизм	3. Экономическая независимость	4. Законопослушность
1. Паразитирующие	40	,0260	1,1951	,2604	-1,6191
2. Неудачники	93	-,9322	,4772	-,2771	,7097
3. Адаптированные	104	,7754	,0629	,7292	,3886
4. Трудяги	60	-,6293	-1,2687	,5267	-,3908
5. Домохозяйки	74	,5780	-,3055	-1,2444	-,2461

применение насилия. Принципы же гуманизма и милосердия ярко выражены именно у слабых, зависимых в своем жизнеобеспечении людей.

Самым неоднородным оказался последний фактор, который распадается на обращенность ожиданий улучшения жизни и на неприемлемость нечестных, паразитических способов жизнеобеспечения. Скорее всего, это фактор "нормативного сознания", ждущего отеческой заботы от государства и готового, в свою очередь, соблюдать установленные последним правила игры, прежде всего соблюдение закона и обязательное участие в трудовой деятельности.

Типы установок на способы жизнеобеспечения. Метод факторного анализа удобен для выявления внутренней структуры изучаемых нами явлений. Выяснить, встречаются ли они "в чистом виде", нарисовать портреты носителей разных типов установок на жизнеобеспечение, мы можем с помощью другой многомерной классификации эмпирического материала - кластерного анализа. Массив респондентов был сгруппирован на внутренне однородные, сходные сразу по нескольким показателям общности - кластеры. В результате математической обработки и поиска оптимального представления данных было выделено 5 кластеров, разных по своей наполненности, но сопоставимых по объему. Каждый кластер занимает некоторый объем 4-мерного пространства и имеет фиксированное положение в социальном пространстве — кластерный центр с координатами - проекциями на факторные оси.

Кластер 1. "Паразитирующие". Наиболее ярко тип "криминальной адаптации", асоциальной активности как фактора успеха в условиях нецивилизованного бизнеса демонстрируют молодые мужчины с относительно низким уровнем образования, выходцы из слоев ниже среднего. Это носители люмпенского сознания, бравирующие незаконными доходами ("грязный" бизнес, воровство, рэкет). Подобная жизненная стратегия, судя по всему, оправдывает себя, что выражается в субъективной удовлетворенности собой и своей жизнью, отнесении себя к более высоким социальным слоям по сравнению с 1993 годом. Стратегии социального паразитизма, как мы уже отмечали, соответствует высокая ценность свободы, причисление себя к сильным, обладающим ресурсами для подавления других (в качестве ресурса этой группы отметим прежде всего "связи с нужными людьми"). О достаточно высоком уровне адаптации свидетельствует то, что костяк этой группы в течение последних пяти лет сменил свой социальный статус со средне-низкого на средний. 85% сами считают, что им удалось приспособиться к нынешней жизни, 70% живут в достатке, в целом они удовлетворены собой и своей жизнью. Высокий уровень запросов этой группы выражен в неприемлемости для них стратегии самоограничения: в случае материальных затруднений в резерве всегда есть незаконные способы их разрешения. Как видно из таблицы 2, данный кластер достаточно гетерогенен по составу представленных в нем групп (только получатели пособий практически не дали в него своих представителей), но преобладание в нем криминальных групп и предпринимателей позволяет делать вывод

Представленность пяти групп целевой выборки в кластерах (в % по группам)

	Паразити- рующие	Неудач- ники	Адаптированные	Трудяги	Домо- хозяйки
Предприниматели	25,0	4,3	433	183	6,8
Рабочие	15,0	31,2	16,3	36,7	6,8
Домохозяйки	15,0	18,3	2,9	11,7	62,2
Получатели пособий	7,5	36,6	4,8	15,0	13,5
Криминал	37,5	9,7	32,7	18,3	10,8

о том, что социальный паразитизм - не только вербальная установка, соответствующая уровню нравственного развития индивида, но и жизненная стратегия, позволяющая более или менее успешно вписаться в современные российские условия.

Кластер 2. "Неудачники". Главная характеристика группы - ее неадаптированность и высокая степень социально-экономической зависимости. Костяк кластера составляют группы, наиболее проигравшие при переходе к рынку - получатели пособий (безработные, малообеспеченные) и рабочие. Их экономическое поведение охарактеризовано нашими интервьюерами в терминах "непонятно, за счет чего живут" и примечательно прежде всего нестабильной занятостью (случайные заработки, мелкая торговля) или такими специфическими способами жизнеобеспечения, как жизнь за счет сожителей или проституция. Социально-экономическая зависимость остается уделом социальных аутсайдеров. О серьезных трудностях в их адаптации свидетельствуют низкий уровень доходов; отсутствие собственности, низкая самооценка, неудовлетворенность жизнью; нисходящая мобильность (1993 г. - средне-низкий, как и паразитирующие, но в 1998 - прочно низший слой, занимаемый представителями этой группы). В целом этот кластер демонстрирует наиболее чистый вид социально-экономической зависимости: высокая ценность социальной защищенности в обмен на личную свободу, реально существующая зависимость в жизнеобеспечении, стратегия выживания, экстернальный локус контроля за событиями своей Жизни. С одной стороны, у этой группы выражен фактор "воспоминаний о прошлом", с другой - их жизнь в значительной степени представляет из себя "сидение на чемоданах", пассивное ожидание улучшения своей жизни, которое связывается прежде всего с государством. Обратим внимание на достаточно высокое значение фактора "социальный паразитизм" в этой группе (,4772), что отличает ее от кластера "трудяг". Данную особенность охарактеризовал один из наших интервьюеров: "Воровать не умеют и боятся. А хотели бы". Эта группа демонстрирует определенный "разлом сознания": паразитические формы жизнеобеспечения ими принципиально не отвергаются, но в силу ряда причин им просто недоступны.

Кластер 3. Адаптированные. Достаточно большой размер кластера объясняется особенностями целевой выборки, в которой адаптированность служила важным критерием отбора респондентов. Как видно из таблицы 2, в данном типе безусловно преобладают предприниматели (качественный анализ показал, что здесь представлен средний бизнес - хозяева и директора прочно стоящих на ногах частных предприятий) и криминальные группы. Здесь наибольшие значения факторов "жизненный успех" (т.е. высокий социальный статус, большой объем "капиталов") и "экономическая независимость" (жизненная стратегия, создающая и упрочивающая эти "капиталы"). Совершенно гомогенна группа по двум переменным - адаптированности (96%) и убежденности, что улучшение их жизни зависит от них самих (97%). Это самый маскулинизированный кластер (87%), респонденты в нем имеют самый высокий уровень образования (45% - высшее, 33 - среднее специальное). Группа характеризует высокая трудовая активность респондентов, двойная-тройная занятость (в отличие от

предыдущего кластера, это стабильная основная работа и приносящая высокий доход дополнительная). Из внешних атрибутов респондентов, отмеченных интервьюерами, упоминаются такие, как "хорошо одеты", "имеют автомобиль", "не нуждаются ни в чем", "строят дом". Самооценки их социального статуса - средний пять лет назад и средне-высокий - сейчас. Судя по сравнению с кластером 1, криминальное сознание и соответствующая стратегия поведения свойственна в большей мере "выходцам снизу", не обремененным высоким уровнем образования и общей культуры. Обратим внимание на низкое значение фактора "социальный паразитизм" (то есть принципиальное отторжение подобных ценностей на уровне сознания) в данном кластере, но высокий удельный вес незаконных источников дохода, готовность к применению насилия; наличие "крыши" как необходимого элемента их экономической деятельности. Наблюдается очередной разлом сознания - неприятие сознанием моделей поведения, но воплощение их в реальной жизни. В условиях бифуркационной среды даже самая успешная адаптация носит аккомодативный, вынужденный характер, и не случайно снятие подобного дискомфорта "новые легальные русские" связывают в значительной степени с государством, которое должно обеспечить условия для цивилизованного бизнеса.

Кластер 4. "Трудаги". При невысоком уровне адаптированности к современной жизни этот социальный тип отличается от "неудачников" по двум основным параметрам: резко неприятно незаконным и безнравственным способам жизнеобеспечения и, во-вторых, жестким установкам на самостоятельность, расчет на собственные силы, независимость от патернализма государства. Однако большое отрицательное значение фактора "жизненный успех" свидетельствует, что **самостоятельность вкупе с законопослушностью и альтруизмом в нынешних российских условиях не способствуют процветанию.** При том, что в целом по группе 64% считают себя адаптированными, объективные показатели их благосостояния (уровень доходов и потребления, наличие связей, власти и собственности) далеко отстают от типов "адаптировавшиеся" и "паразитирующие". Их высокая трудовая активность позволяет лишь поддерживать существующий средне-низкий социальный статус, что само по себе выглядит достижением на фоне массового обнищания населения (напомним, удел "зависимых" групп - нисходящая мобильность). Это достаточно традиционная по своим установкам и ценностям группа, представленная прежде всего рабочими, но в целом достаточно гетерогенная по составу. "Традиционность" группы характеризуется лучшими чертами наемного работника "советского типа": высокая ценность честного труда, предпочтение варианта *"много работать и хорошо получать {но без гарантированного заработка}"* как наиболее приемлемой стратегии жизнеобеспечения. Однако, в отличие от негативного образа "простого советского человека", описанного коллективом авторов во главе с Ю. Левадой [8], для данного типа высока значимость свободы и самостоятельности и неприятие "халявы" в ее различных проявлениях. Даже "священный долг" при возможности подкормиться за счет государства отвергается более чем 60% "трудаг".

Кластер 5. "Домохозяйки". Ярко выраженный тип женской зависимой адаптации, хотя кластер и не абсолютно феминизированный (78%; по отзывам интервьюеров, в выборку попадали и "альфонсы", хотя в России такой стиль жизни все еще остается экзотикой). Данный тип характеризуется ярко выраженными зависимыми установками (субъекты покровительства - родственники либо непосредственное окружение), которая здесь совместима с высоким уровнем адаптированности (77%). Последнее обстоятельство объясняется наличием внешней опоры, которая позволяет сбросить с плеч бремя забот о собственном выживании и процветании и достаточно комфортно существовать под чужим крылом. Такой стратегии неизбежно сопутствует низкая ценность свободы в сознании и, соответственно, заниженный уровень социальных притязаний, связанных с самореализацией в профессиональной сфере. О заниженных материальных притязаниях речь не идет, они в данном случае достаточно высоки.

Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм, объединяемые понятием "жить за чужой счет", представляют из себя принципиально разные явления: они различаются по своим носителям (слабые / сильные); по способам отъема материальных благ (получение добровольно предоставляемой помощи / насильственный отъем); по направленности деструктивного влияния (зависимые либо непротиворечиво приспособляются, либо страдают сами / паразитирующие представляют угрозу обществу, являясь серьезной разрушительной силой); наконец, по адаптационным возможностям в современной России (совместимость зависимости и адаптированности удалось зафиксировать лишь у домохозяек, поиск же "зависимой адаптации" среди других групп населения результатов не дал / установки на паразитизм и адаптированность во всех случаях коррелируют).

Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм вписываются в мертоновскую типологию адаптаций, представляя соответственно "ритуалистский" и "инновационный" типы. В первом случае человек, используя "нормативные" (сложившиеся в условиях командно-административной экономики) модели экономического поведения (ожидание патернализма государства, экономическая пассивность), приходит к отвергаемой культурой цели - бедность, потеря социального статуса. "Инновационный" тип адаптации представлен социальным паразитизмом, при котором для достижения одобряемой цели (экономическое благополучие) используются институционально запрещенные средства (насилие, противоправные действия, "отмена" ценности труда).

Особенность условий авантюрно-спекулятивного (дикого, криминального) капитализма в России, крайне нестабильной среды жизнедеятельности граждан заключается в том, что даже самые социально продвинутые группы демонстрируют тип адаптации, которую можно квалифицировать как "вынужденную", предполагающую разлом сознания и действительности. Состояние даже самых активных субъектов экономической деятельности может быть охарактеризовано как аккомодация, приспособление под условия бифуркационной среды, и успешность адаптации зависит от способности индивидов оперативно реагировать на меняющиеся требования жизни.

Четко выражена гендерная специфика адаптации. Мужская адаптация предполагает жесткую ориентированность на собственные условия, подкрепленные "стартовым капиталом" в виде связей, собственности, власти. Женская адаптация более гибка, но в целом наиболее успешные ее образцы представлены "зависимой адаптацией" на уровне своих социальных сетей. Хотя в выборке было мало представлено работающих женщин, по данным других исследований известно, что независимая женская адаптация достаточно редка и встречается у жестко профессионально мотивированных женщин - предпринимателей и руководителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Корель Л.В.* Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: ИЭОПП РАН, 1997. (Монография содержит 29 осей классификационной системы адаптаций).
2. *Киселев В.П.* О социальном паразитизме / Возрождение России и русская общественная мысль: Материалы конференции. Нижний Новгород, 1993. С. 106-107.
3. *Irwin S.* Social reproduction and change in the transition from youth to adulthood. *Sociology*. 1995. Vol. 29. № 2. P. 294.
4. *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. С. 94.
5. *Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.М.* Мотивация экономической деятельности в условиях рыночной реформы. М.: Наука, 1996. С. 93.
6. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989. С. 123.
7. *Заславская Т.И.* Социальная структура России: главные направления перемен / Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: МВШСЭН, Интерцентр, 1997. С. 173.
8. См.: Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю. Левады. М.: ВЦИОМ, 1993.